УДК 39 + 316.722
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-135-145

Этнокультурная идентичность северных алтайцев в контексте города: символическое возрождение

А. П. Чемчиева

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Настоящая работа имеет своей целью выявление особенностей этнокультурной идентичности городских представителей трех групп северных алтайцев – кумандинцев, тубаларов и челканцев. Эмпирический материал был собран в г. Горно-Алтайске (Республика Алтай). Исследование показало, что северные алтайцы социально адаптированы к городским условиям жизни, однако они утрачивают традиционную культуру и родной язык. В статье показано, что эта тенденция обусловлена историческими факторами. Политика христианизации, тесное соседство с русскими людьми, смешанные браки имели большое русифицирующее влияние на северных алтайцев. Этнический ренессанс в 1990-е гг. оказал заметное воздействие на их самосознание. Сегодня они обладают выраженной культурной идентичностью. Однако культурная идентичность городских северных алтайцев приобретает новые формы. Она уже не привязана к уровню языковой компетенции или уровню владения общим кругом этнокультурных знаний. На передний край выдвигается символический компонент культурной идентичности.

Ключевые слова

Республика Алтай, Горно-Алтайск, северные алтайцы, урбанизация, этнокультурная идентичность

Для цитирования

Чемчиева А. П. Этнокультурная идентичность северных алтайцев в контексте города: символическое возрождение // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 135–145. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-135-145

Northern Altaian Ethnic-Cultural Identity in Urban Context: Symbolic Renaissance

A. P. Chemchieva

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article contributes to the study of urban life of Russian ethnic minorities. Our research was based on three groups of Northern Altaians: the Kumandins, the Tubalars, and the Chelkans, the indigenous ethnic minorities of Siberia.

Results. Our research shows that Northern Altaians vary according to the degree of their urbanization with the Kumandins being the most urbanized ones. The main reason for an increase in number of Northern Altaians in cities is migration from village areas. They migrate primarily for the sake of education, job search, better living conditions, as well as a result of the state policy of eliminating ‘unpromising’ villages. However, in urban environments they tend to lose their traditional culture and native language, and their family identities become less distinct. Their lifestyles are

© А. П. Чемчиева, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

essentially the same as the lifestyles of Russians city dwellers. Many Altaians remain loyal to their traditional cuisine, enjoy national holidays and gladly participate in celebrations.

Conclusions. The ancestors of the Northern Altaians had earlier contacts with the Russians and Russian culture (in the 17th century) than Southern Altaians (in the 18th century). Due to the policy of Christian proselytism, close contacts with Russians, mixed marriages and a strong process of Russification took place. In the late 19th century, assimilation continued to develop. Because of this, the Northern Altaians were often unable to resist the weakening of their ethnic and cultural identities as they migrated. In the 1990s, the Northern Altai intelligentsia admitted a certain degree of separation between their fellow Altaians and the cultural heritage of their ancestors. It was the period when a concept of national-cultural renaissance became popular among the Northern Altaians. The ethnic renaissance affected self-perception of urban Northern Altaians in a significant way. Nowadays, the Northern Altaians who live in cities possess strong cultural identities. However, these identities are beginning to get new shapes. They are no longer related to the degree of their language competence or common ethnic-cultural knowledge; rather, it is the symbolic component of cultural identities that is perceived as the most important one.

Keywords

The Republic of Altai, Gorno-Altai, Northern Altaians, urbanization, ethnic-cultural identity

For citation

Chemchieva A. P. Northern Altaian Ethnic-Cultural Identity in Urban Context: Symbolic Renaissance. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 135–145. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-135-145

Урбанизация стала особенностью современного мира. Сегодня более половины населения Земли проживает в городских районах. Процесс урбанизации вовлек в свою орбиту и различные группы коренных малочисленных народов, проживающих на российском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. В течение последнего столетия доля городского населения в их среде выросла от минимального уровня до 32,5 % населения¹.

В современных условиях культурная жизнеспособность коренных малочисленных народов в городской среде требует внимания. В урбанизированном обществе все более актуальным становится вопрос о том, как коренной народ определяет те элементы своей культуры, которые необходимы для поддержания его как связанной общины в процессе быстрых социальных изменений. В настоящее время такие исследования активно проводятся на Западе в рамках особого направления городской антропологии, изучающего урбанизацию коренных народов Арктики. Об этом убедительно свидетельствует публикация П. Швайцера, посвященная обзору состояния антропологических исследований коренного населения в городах Аляски, Гренландии, Канады [Швайцер, 2016. С. 10–22].

Отражением возрастающей роли исследований городских индигенных групп является обращение к данному вопросу и отечественных исследователей. Их мнения и суждения по проблемам урбанизации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России были высказаны на страницах тематических выпусков ведущих российских академических журналов [Функ, 2014; Хаховская, 2014; Маслов, 2014; Поворознюк, 2016; Лярская, 2016]. Тем не менее, формирование нового для российской этнологии направления исследований происходит медленно. Исследовательских работ в этой области знаний не очень много.

Настоящая работа вносит свой вклад в изучение городского образа жизни коренных малочисленных народов России. Ее целью является установление особенностей этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов в контексте города. Эта проблема была исследована на примере трех групп северных алтайцев – кумандинцев, тубаларов и челканцев, принадлежащих к числу коренных малочисленных народов Сибири.

Эмпирическая база статьи включает результаты этносоциологического исследования, проведенного в рамках проекта по изучению проблем урбанизации коренных народов Алтая (2016–2017 гг.). Опрос методом структурированного интервью был проведен в г. Горно-Алтайске (Республика Алтай) в августе 2016 г. Обследованном было охвачено 146 представите-

¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf/. Табл. 19. С. 2111–2119.

лей северных алтайцев (50 кумандинцев, 50 тубаларов и 46 челканцев), из них 64 мужчины (43,8 %) и 82 женщины (56,2 %) в возрасте от 18 лет и старше. В каждой семье опрошивался один человек. Средний возраст респондентов составил 42 года. Выборка репрезентативна по полу и возрасту, ее относительная ошибка не выходит за пределы 10 %. При написании работы были использованы также авторские материалы глубинных интервью и материалы Всероссийской переписи населения 2010 г.

Республика Алтай является одним из наименее индустриально развитых и урбанизированных регионов Сибири. Здесь имеется лишь один город – столица республики г. Горно-Алтайск. Население его невелико (56 933 чел.) и включает чуть более четверти населения республики. Основную массу горожан составляют русские – 67,8 %, представители коренного алтайского населения (алтайцы, кумандинцы, теленгиты, телеуты, тубалары, челканцы) составляют 23,1 %. При этом численность отдельно северных алтайцев составляет в городе 920 человек (440 кумандинцев, 301 тубалар и 179 челканцев), что равно 1,6 % от численности городского населения республики ².

Северные алтайцы различаются между собой уровнем урбанизированности. Больше всего горожан среди кумандинцев – 41,4 % от общей численности кумандинцев Республики Алтай. У тубаларов и челканцев этот показатель не превышает 16 % ³.

Основным источником увеличения численности северных алтайцев в Горно-Алтайске явился механический прирост – миграция из села, особенно нараставшая с начала 1960-х гг. Поэтому подавляющее большинство городских северных алтайцев – это выходцы из села в первом или во втором поколении. По данным социологического опроса, горожанами в первом поколении являются 57,5 % северных алтайцев, во втором поколении – 34,9 %. Доля горожан в третьем поколении – всего 6,8 % (табл. 1).

Результаты социологического опроса показывают, что сельские кумандинцы раньше и чаще мигрировали в город, чем представители тубаларов и челканцев. Вследствие этого среди кумандинцев выше доля лиц, проживающих в городе в третьем поколении (16 %). Позже других стали переселяться в город челканцы, из них 78,3 % являются горожанами в первом поколении.

В качестве основных мотивов переезда, своего или своих предков, из сельской местности в городскую респонденты отметили несколько причин. В тройке лидеров оказались ответы: «получение специального образования» (51 %), «поиск лучшей работы, профессиональный рост» (29,4 %), «улучшение условий жизни (доход, жилье, благоустройство, магазины, культурный досуг)» (19,6 %) (табл. 2).

Обратим внимание на то, что кумандинцы в числе важных причин миграции в город отметили ликвидацию села. Речь идет о реализации в РСФСР государственной политики ликвидации «неперспективных» деревень (1960–1970-е гг.), вынудившей многих сельских жителей покинуть обжитые места. Эта государственная кампания затронула поселения всех северных алтайцев: и кумандинцев, и тубаларов, и челканцев. Однако если многие тубалары и челканцы из мелких деревень переселялись в «перспективные» поселения, то значительная часть кумандинцев сразу устремилась, минуя «перспективные» села, в города. Здесь, по всей видимости, помимо субъективных причин осуществления кумандинцами выбора в пользу города, немаловажную роль сыграло обстоятельство географической близости кумандинских деревень к городу.

В этой связи 30 % опрошенных кумандинцев отметили, что у них в деревнях не имеется никаких родственников. У тубаларов и челканцев этот показатель составляет лишь 2 %. По данным опроса около 80 % тубаларов и челканцев активно поддерживают связи с родственниками, проживающими в селах. Они и их родственники регулярно ездят друг к другу в гости, общаются по телефону. На активное взаимодействие с сельскими родственниками указали только 40 % кумандинцев.

² Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб. Горно-Алтайск: Алтайстат, 2013. Т. 4. С. 28–29.

³ Там же. С. 24–25.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Вы горожанин в каком поколении?», %
Distribution of answers to the question: “You, a city dweller,
in what generation?”, %

Варианты ответа	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
В 1-м (родители проживали в селе)	57,5	38	58	78,3
Во 2-м (родители проживали в городе)	34,9	44	38	21,7
В 3-м (дедушка и бабушка проживали в городе)	6,8	16	4	—
В 4-м и более (прадедушка и прабабушка проживали в городе)	0,8	2	—	—

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Причина переезда в город вас или ваших предков?», % *
Distribution of answers to the question: “The reason why you
or your ancestors moved to the city?”, %

Варианты ответа	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
Получение специального образования	51	27,1	59,2	67,4
Поиск лучшей работы, профессиональный рост	29,4	31,3	34,7	21,7
Улучшение условий жизни (доход, жилье, благоустройство, магазины, культурный досуг)	19,6	29,2	18,4	10,9
Забота о будущем детей (обучение, реализация творческого потенциала)	11,2	8,3	18,4	6,5
Ликвидация села	6,3	14,6	—	4,3
Вступление в брак	2,1	4,2	2	—
Получение качественного медицинского обслуживания	0,7	—	2	—
Другое	2,8	6,3	2	—
Затрудняюсь ответить	—	—	—	—

* Сумма превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Исследование показало, что представители северных алтайцев социально адаптированы к городским условиям жизни. Почти 90 % респондентов отметили, что им нравится жить в городе. Более половины опрошенных (56,5 %) указали, что в нем их привлекают экономические возможности (наличие работы, развитие бизнеса). Развитая инфраструктура (коммуникации, транспорт, дороги) имеет большое значение для 38,2 % респондентов. Образовательные возможности, предоставляемые городом, важны для 28,2 % опрошенных. Высокое качество здравоохранения привлекает 25,2 % респондентов.

Другими немаловажными притягивающими факторами городской жизни являются для северных алтайцев возможности для самореализации личности (культурный рост, профессиональное самовыражение) (18,3 %), высокий уровень культуры (12,2 %), разнообразные формы досуга, развлечения (11,5 %). Для 5,3 % респондентов важно само чувство горожанина, для них значимо жить именно в городе.

Представители кумандинцев, тубаларов и челканцев, проживающие в Горно-Алтайске, являются потомками таежных охотников и рыболовов Северного Алтая. Но что они знают о культуре своего народа и насколько они склонны следовать традиции в повседневной жизни? Как они вообще решают проблему своей культурной идентичности? На каком основании они считают себя людьми своей этнической культуры?

Одним из важнейших компонентов этнокультурной идентичности считается язык, на котором люди говорят и мыслят. В ходе Всероссийской переписи населения 2010 г. язык своей этнической группы назвали родным 37,5 % кумандинцев, 14,6 % тубаларов и 48,6 % челканцев, проживающих в Горно-Алтайске⁴. В то же время языком своей этнической группы владеет гораздо меньше людей – лишь 22 % кумандинцев, 7,6 % тубаларов и 25,7 % челканцев⁵. Литературный алтайский язык назвали в качестве родного 2 % кумандинцев, 24,2 % тубаларов и 7,8 % челканцев. О владении алтайским языком заявили 6,4 % кумандинцев, 20,6 % тубаларов и 17,3 % челканцев. При этом практически все северные алтайцы, проживающие в Горно-Алтайске, свободно владеют русским языком. Более того, 60,2 % кумандинцев, 60,5 % тубаларов и 43,6 % челканцев указали русский язык в качестве родного⁶.

По данным социологического опроса, городские северные алтайцы в разных возрастных группах обладают неодинаковым уровнем знания языка своего народа. Прежде всего, свободно им владеют лица старше 50 лет – около 50 % опрошенных. В более молодых возрастных группах этот показатель не превышает 21 %. Примечательно, что доля лиц, свободно владеющих языком, в возрасте 18–29 лет выше, чем в возрасте 30–39 лет, – 20 и 4,3 % соответственно.

Этнокультурная идентичность человека тесно связана с традиционной культурой народа. Последняя базируется на обычаях, идущих из прошлого, на наследии, доставшемся от предков. Результаты опроса показали, что большинство кумандинцев, тубаларов и челканцев (84,9 %) проявляют интерес к историческому прошлому и культуре своего этноса. Наибольший процент интересующихся был отмечен у челканцев (91,3 %) и тубаларов (90 %). Среди кумандинцев этот показатель равен 74 %.

В ходе социологического опроса представителям кумандинцев, тубаларов и челканцев было предложено оценить личный уровень знания обычаев и традиций своего народа. Итоги опроса показали: только 15,8 % респондентов считают, что знают их хорошо; около половины опрошенных (47,9 %) заявили, что знают наиболее характерные из них; остальные респонденты отметили, что практически не обладают подобными знаниями (табл. 3). Анализ результатов опроса отдельно по каждой этнической группе показывает, что наилучшая ситуация по рассматриваемому вопросу среди челканцев. Среди них совокупная доля респондентов, не знающих традиций или имеющих о них смутное представление, составляет лишь 10,9 %, в то время как среди тубаларов равна 32 %, а среди кумандинцев достигает 64 %.

Несомненно, знать традиции народа и следовать им – не одно и то же. Поэтому респондентам был задан вопрос о том, в какой мере они придерживаются традиций. Было выявлено, что полностью следуют им 13,7 % респондентов, частично – 54,1 %. Не придерживаются их вовсе 32,2 % опрошенных (табл. 4). Результаты опроса показывают, что степень привержен-

⁴ В ходе переписи населения человек в качестве родного языка мог указать лишь один язык. Для лиц, назвавших родным два и более языка, указывался один из них по выбору опрашиваемого.

⁵ Владение языком означает умение говорить, читать и писать или только говорить на данном языке. В ходе переписи населения человек мог указать владение несколькими языками.

⁶ Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. С. 130–131; 138–139.

Таблица 3

Знание обычаев и традиций своего народа, %
Knowledge of the customs and traditions of their people, %

Признак	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
Хорошо знают обычаи и традиции	15,8	6	28	13
Знают наиболее характерные обычаи и традиции	47,9	30	40	76,1
Имеют смутное представление об обычаях и традициях	24	40	20	10,9
Не знают обычаев и традиций	12,3	24	12	–

Таблица 4

Следование обычаям и традициям своего народа, %
Following the customs and traditions of their people, %

Признак	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
Полностью придерживаются	13,7	6	24	10,9
Частично придерживаются	54,1	28	56	80,4
Не придерживаются	32,2	66	20	8,7

ности респондентов традициям коррелирует с их уровнем знаний о них. Вследствие этого среди челканцев и тубаларов, выделяющихся лучшими показателями знания, относительно невелика доля лиц, совсем не придерживающихся традиций, – 8,7 и 20 % соответственно. Напротив, среди кумандинцев, демонстрирующих низкие показатели знания, доля лиц, не придерживающихся их, намного выше и составляет 66 %.

В ходе социологического опроса не ставилось специальной задачи детального рассмотрения сохранности у городских северных алтайцев отдельных обычаев и традиций. Тем не менее, частной иллюстрацией того, какое значение они им придают, могут послужить данные опроса, характеризующие их отношение к традиционному социальному институту – *сеоку* (алт. *сёёк* – род. – *А. Ч.*). Отметим, что традиционное разделение населения на отдельные сеоки (алмат, комдош, мундус, сагал, тодош и др.) на протяжении многих веков являлось одной из фундаментальных констант социальной организации алтайских этнических групп. В традиционном алтайском социуме каждый человек с юных лет имел четкое представление о своей родовой принадлежности.

Результаты опроса показали, что в наши дни родовая идентичность северных алтайцев размывается. В ходе опроса свой сеок смогли назвать 70,5 % респондентов. Наилучшее знание демонстрируют тубалары (82 %) и челканцы (80,4 %). Среди кумандинцев свой сеок знают лишь 50 % опрошенных.

Одной из важных функций алтайского сеока, сохранившейся до наших дней, является регламентация семейно-брачных отношений. Социальный институт сеока не допускает заключения брака между представителями одного рода, которые считаются близкими родственниками. В этой связи респондентам был задан вопрос: «Допустим ли брак между девушкой и парнем из одного сеока?». Ответы распределились так: 32,2 % опрошенных ответили «допустим», 52,1 % – «не допустим». При этом негативное отношение к нарушению обычая родовой экзогамии чаще выражали тубалары (74 %) и челканцы (50 %), нежели кумандинцы (32 %).

Исторически традиционная культура народа находится в тесной взаимосвязи с его религиозными воззрениями. В основе религиозного мировоззрения северных алтайцев лежало язычество – обожествление сил природы, восприятие природного и человеческого мира как единого целого. В наши дни, по материалам социологического опроса, доля верующих среди северных алтайцев достаточно высока. В целом назвали себя верующими 47,3 % опрошенных, скорее верующими – 35,6 %. К атеистам или скорее неверующим отнесли себя 17,1 % респондентов.

По данным опроса, большинство верующих (70,2 %) исповедуют православие. Последователями традиционных алтайских верований являются 34,7 % опрошенных. При этом доля лиц, придерживающихся традиционных алтайских верований, заметно выше среди челканцев (43,9 %) и тубаларов (40,5 %), чем среди кумандинцев (18,4 %) (табл. 5).

Таблица 5

Религиозная принадлежность, %^{*}
Religious affiliation, %

Вероисповедание	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
Традиционные верования алтайцев	34,7	18,4	40,5	43,9
Православие	70,2	76,3	71,4	63,4
Ислам	0,8	2,6	–	–
Протестантизм	0,8	–	–	2,4
Другое	3,3	7,9	–	2,4

^{*} Сумма превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать два варианта ответа.

Результаты опроса показали, что в среде городских северных алтайцев наличествует религиозный синкретизм, «двоеверие»: 9,1 % респондентов отметили, что придерживаются как православия, так и традиционных алтайских верований. Эта ситуация в большей степени характерна для челканцев (12,2 %) и тубаларов (11,9 %), среди кумандинцев доля «двоеверцев» составляет лишь 2,6 %.

По материалам глубинных интервью видно, что представители северных алтайцев считают свой образ жизни в городском быту мало отличающимся от образа жизни русского городского населения. Из их повседневной жизни ушли традиционные одежды, головные уборы, традиционные предметы быта. Утрачена также традиционная свадебная обрядность. Интервьюируемые поведали лишь о единичных случаях (у тубаларов и челканцев) проведения свадеб с соблюдением традиционного свадебного церемониала. Практически не сохранились обряды, связанные с семейно-бытовой сферой, с рождением ребенка. В городских условиях исчез обычай коллективной взаимопомощи, который проявлялся, например, при строительстве дома.

По мнению интервьюируемых, в наибольшей степени северные алтайцы сохраняют верность традиционной кухне. Во многих семьях известны передаваемые из поколения в поколение рецепты блюд, которые готовят и в праздники, и в будни. Отчасти сохраняются обычаи гостеприимства, уважения к старшим, некоторые религиозные представления, элементы традиционной похоронной обрядности.

У городских северных алтайцев пользуются большой популярностью традиционные праздники. В первую очередь это Дьылгаяк, знаменующий начало нового года в день весеннего равноденствия (21 марта). Дьылгаяк, возрожденный в постсоветский период, на первых порах праздновался на семейном уровне, а в последние годы его границы расширились

до масштабов публичного мероприятия. Очень любим также праздник Тюрюк Байрам (Праздник Кедр). Исходно это был праздник, приуроченный к началу сбора кедрового ореха в конце лета. В наши дни Тюрюк Байрам отмечается как праздник культурного и духовного возрождения коренных малочисленных народов Республики Алтай [Чемчиева, 2016].

Для северных алтайцев, независимо от того, проживают они в городе, или в сельской местности, указанные праздники очень важны. На них они имеют редкую возможность прикоснуться к культурному наследию своих предков. Программы праздников непременно включают в себя театрализованные представления, знакомящие с обычаями и традициями северных алтайцев, выступления фольклорных коллективов, исполняющих народные песни и танцы. Кроме того, в рамках праздников проводятся различные традиционные состязания, такие как борьба, конные скачки, лазание на кедр, бросание кедровой биты. Важной составляющей праздников являются демонстрация традиционной одежды, приготовление традиционных блюд, выставки изделий народных промыслов и т. д. По словам интервьюируемых, некоторые люди, в основном среднего и пожилого возраста, стараются на эти праздники нарядиться в этническую одежду.

Рассмотренные результаты этносоциологического исследования свидетельствуют о том, что культурное наследие, которое сохраняют городские кумандинцы, тубалары и челканцы, весьма ограничено. Тем не менее, многие из них именно через это наследие чувствуют причастность к своему народу. Так, на вопрос «Что роднит Вас с людьми из вашего народа?» большинство респондентов дали ответ «язык» (59,6 %). На втором и четвертом местах оказались «обычаи и традиции» (54,1 %) и «культура» (в целом) (45,2 %) соответственно. На третье место респонденты поставили признак «родная земля – Алтай» (50 %). Далее следуют «историческое прошлое» (30,8 %), «внешний облик» (21,9 %), «черты характера» (17,1 %). Менее популярными оказались такие ответы, как религия (11,6 %), совместное проживание (10,3 %) и общая государственность (республика) (8,9 %) (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос:
«Что роднит вас с людьми из вашего народа?», % *

Distribution of answers to the question:
“What unites you to people from your nation?”, %

Варианты ответа	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
Язык	59,6	60	56	63
Обычаи и традиции	54,1	40	58	65,2
Родная земля – Алтай	50	36	54	60,9
Культура	45,2	36	48	52,2
Историческое прошлое	30,8	28	36	28,3
Внешний облик	21,9	22	28	15,2
Черты характера	17,1	10	20	21,7
Религия	11,6	8	12	15,2
Совместное проживание	10,3	10	10	10,9
Общая государственность (республика)	8,9	4	16	6,5
Другое	6,2	12	2	4,3
Ничего не роднит	0,7	2	–	–
Затрудняюсь ответить	0,7	2	–	–

* Сумма превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать до двух вариантов ответа.

Представленный эмпирический материал позволяет резюмировать, что слой городских кумандинцев, тубаларов и челканцев возник в Республике Алтай в результате их миграции из села в город. Это были переселенцы, которые стремились получить в городе специальное образование, найти хорошую работу и улучшить условия своей жизни. Часть из них влилась в городскую жизнь под напором внешних жизненных обстоятельств, вынудивших их покинуть свои «неперспективные» деревни.

Адаптация к городской среде отразилась на образе жизни северных алтайцев, их культурных предпочтениях и образцах поведения. Первое же поколение горожан проявило большую открытость к восприятию городской культуры и не стремилось воспитывать новые поколения в духе сохранения традиций. В условиях проведения государственной политики, направленной на создание гомогенного «советского народа», знание языка и культуры своего этноса не рассматривалось как некая ценность, которую необходимо сохранить.

Нарушение механизма трансляции этнической культуры от поколения к поколению способствовало тому, что дети не перенимали культурное наследие своих родителей. Сегодня в городе у северных алтайцев основным языком общения выступает русский. Языки этнических групп являются достоянием меньшинства. Традиции и обычаи северных алтайцев стираются из памяти и вытесняются универсальными культурными формами жизни.

Несомненно, жизнь в городе (в зоне активного взаимодействия различных культур) изначально не позволила бы северным алтайцам ограничиться исключительно культурой своего народа. Целые пласты их традиционной культуры больше уже не могли воспроизводиться в городских условиях, поскольку хозяйственная деятельность, с которой они были связаны, практически прекратилась – речь идет о традиционных промыслах (охота, рыболовство, собирательство) и занятии животноводством.

В то же время процесс утраты традиционной культуры и языка происходил у городских северных алтайцев более стремительно, чем у также переселявшихся в город южных алтайцев. При рассмотрении причин, обусловивших такое различие, прежде всего следует учитывать то, с каким культурным «багажом» северные алтайцы переселялись в город.

Предки северных алтайцев в силу своего географического расселения вошли в соприкосновение с русскими людьми и русской культурой раньше (XVII в.), чем южные алтайцы (XVIII в.). Со временем русское влияние на жизнь северных алтайцев только усиливалось. Северные алтайцы первыми оказались в сфере влияния Русской церкви и стали обращаться в православие (особенно активно в XIX в.). Смена вероисповедания неизбежно приводила к коренным переменам в жизни неофитов. Новообращенным воспрещалось оставаться среди своих некрещеных сородичей, они выводились из-под родового управления и переселялись в миссионерские селения; на новом месте переходили на оседлость, начинали заниматься плужным земледелием и огородничеством. Их быт существенно изменялся. Одновременно крещеные северные алтайцы получали возможность обучаться в миссионерских начальных школах, направленных, в первую очередь, на подготовку местных кадров проповедников христианства. Позднее эти кадры составили основу первой алтайской интеллигенции [Сатлаев, 1995. С. 130–137].

Политика христианизации, тесное соседство с русскими людьми, смешанные браки оказали большое русифицирующее влияние на северных алтайцев. Уже в конце XIX в. в их среде получили развитие ассимиляционные процессы. Впоследствии именно ассимиляция явилась главной причиной того, что численность северных алтайцев перестала расти вслед за естественным приростом. В советский период ситуация усугубилась проведением политики атеизма, приведшей к угасанию у северных алтайцев религиозных традиций. Для северных алтайцев также не прошла бесследно и ликвидация «неперспективных» деревень. Уничтожение мест компактного расселения, разрыв родственных и земляческих отношений для народов, не имевших других источников поддержания своей культуры, кроме среды, из которой она происходит, оказались катастрофичными.

Таким образом, миграция кумандинцев, тубаларов и челканцев в город происходила из уже частично ассимилировавшейся сельской среды. Поэтому неудивительно, что ново-

прибывшие горожане, относительно легко усваивая новые нравы и новый стиль жизни, часто не могли противостоять ослаблению своего этнического самосознания и культурной идентификации.

В 1990-е гг. представители городской интеллигенции северных алтайцев первыми осознали глубину отчуждения своих сородичей от культурного наследия предков. Они констатировали обострение в жизни и городских, и сельских северных алтайцев кризисных процессов утраты традиционной обрядности, угасания духовно-религиозных практик, снижения престижа и уровня владения родным языком, разрушения культурной преемственности. В этой связи в среде северных алтайцев широкое признание получила идея национально-культурного возрождения. Представители кумандинцев, тубаларов и челканцев выдвинули программу по сохранению культурной самобытности своих этнических групп и выступили за признание их исчезающими народами. В итоге в 2000 г. кумандинцы, тубалары и челканцы были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Этнический ренессанс оказал заметное воздействие на самосознание городских северных алтайцев. В течение двух последних десятилетий немало горожан, до этого не задумывавшихся над своей культурной идентичностью, стали проявлять интерес к своим корням, культуре и языку. Несомненно, нельзя было ожидать, что за столь короткий период городские северные алтайцы возродят свои обычаи и традиции, заговорят на родном языке. Более того, многие из них и сегодня не предпринимают никаких шагов к изучению языка и традиций, хотя и выражают большую скорбь по их утрате.

Тем не менее, городские северные алтайцы обладают выраженной культурной идентичностью. Их культурная идентичность, основываясь на полуосознанных социокультурных шифрах, не изживает себя, а приобретает новые формы. Она все менее привязана к уровню языковой компетенции или уровню владения общим кругом этнокультурных знаний. На передний край выдвигается символический компонент культурной идентичности. Для большинства городских северных алтайцев этническая культура и язык выступают особой ценностью, все более приобретающей символическое значение. Они могут не владеть родным языком и не понимать сакральных смыслов обычаев и традиций своего народа, но это не мешает им чувствовать и считать себя кумандинцами, тубаларами или челканцами. Поэтому есть все основания полагать, что этнокультурная идентичность городских северных алтайцев сохраняет свою скрытую мощь и выступает важным средством манифестации принадлежности к определенной этнокультурной общности и ее единства.

Список литературы / References

Лярская Е. В. «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // ЭО. 2016. № 1. С. 54–70.

Lyarskaya E. V. «Komu-to tozhe nado i v gorode zhit'...»: nekotorye osobennosti transformatsii sotsial'noi struktury nentsev Yamala [«Somebody Has to Live in the City Too...»: Specificities of the Transformation of Social Structure of the Yamal Nents]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographical Review]*, 2016, no. 1, p. 54–70. (in Russ.)

Маслов Д. В. Этничность и бюрократия: заметки о солидарности коренных малочисленных народов Республики Алтай // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 60–82.

Maslov D. V. Etnichnost' i byurokratiya: zametki o solidarnosti korennykh malochislennykh narodov Respubliki Altai [Ethnicity and Bureaucracy: Notes on Solidarity Among Indigenous People of Altai Republic]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian Historical Research]*, 2014, no. 2, p. 60–82. (in Russ.)

Поворознюк О. А. Городские аборигены БАМа: индустриальный бум, техносциальные сети и борьба за ресурсы // ЭО. 2016. № 1. С. 23–41.

Povoroznyuk O. A. Gorodskie aborigeny BAMa: Industrial'nyi bum, tekhnosotsial'nye seti i bor'ba za resursy [The Urban Aborigines of the BAM Region: Industrial Boom, Technosocial Networks and Struggle for Resources]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographical Review]*, 2016, no. 1, p. 23–41. (in Russ.)

Сатлаев Ф. А. Горный Алтай в период феодализма в России (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995. 191 с.

Satlaev F. A. Gornyi Altai v period feodalizma v Rossii (XVII–XIX vv.) [Gorny Altai in Feudal Russia (17th – 19th centuries)]. Gorno-Altaysk, Yuch-Sumer Publ., 1995, 191 p. (in Russ.)

Функ Д. А. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 8–14.

Funk D. A. Vvedenie k spetsial'noi teme nomera [Introducing the Theme]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2014, no. 2, p. 8–14. (in Russ.)

Хаховская Л. Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 39–59.

Khakhovskaya L. N. Aborigeny v gorode: etnokul'turnyi oblik zhitelei Magadana [Aborigines and the City: the Ethno-Cultural Profile of Residents of Magadan]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2014, no. 2, p. 39–59. (in Russ.)

Чемчиева А. П. Социальные практики возрождения традиционных праздников (на примере коренных малочисленных народов Республики Алтай) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3 (74). С. 195–198.

Chemchieva A. P. Sotsial'nye praktiki vozrozhdeniya traditsionnykh prazdnikov (na primere korennykh malochislennykh narodov Respubliki Altai) [Social Practices of Reviving Traditional Festivals (at the example of indigenous small peoples of the Altai Republic)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 12-3 (74), p. 195–198. (in Russ.)

Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на канадском Севере // ЭО. 2016. № 1. С. 10–22.

Schveitzer P. Korennye narody i urbanizatsiya na Alyaske i na kanadskom Severe [Indigenous Peoples and Urbanization in Alaska and the Canadian North]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographical Review], 2016, no. 1, p. 10–22. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.08.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Чемчиева Аржана Петровна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, chemchieva@gmail.com)

Arzhana P. Chemchieva, PhD in Philosophy, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, chemchieva@gmail.com)